Блудилина Н.Д.

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА В ИЗОБРАЖЕНИИ НИЛА СОРСКОГО

Этическое миропонимание Нила Сорского: особое отношение к человеку, сознание ценности его внутренней жизни, индивидуальных переживаний отразилось в особом художественном видении древнерусского писателя, в его стремлении передать эмоциональный мир личности. Столь пристальный интерес к психологии человека родился у Нила Сорского под влиянием богословской исихастской литературы.

Исихазм, как этико-аскетическое учение о пути человека к единению с богом через "очищение сердца" слезами и через сосредоточение сознания в самом себе, был создан египетскими и синайскими аскетами IУ-УП вв.: Макарием Египетским, Евагрием, Иоанном Лествичником. В XIУ в. исихазм претерпевает обновление и развитие. Григорий Синаит был основоположником византийского мистического движения на Афоне, где он написал религиозно-философские произведения, посвященные обоснованию аскетизма и обобщающие многовековой опыт монастырской созерцательной мистики. "В тиши афонских пустынь и келий множилось число учеников и последователей прибывшего на Афон после скитаний по восточному средиземноморью Григория Синаита, -пишет П.Сырку, -который обучал их древней, но почти забытой технике "умного делания", технике исихии, "безмолвия"[1]. Источниками богословских трудов Григория Синаита были труды мистиков: Иоанна Синайского, Симеона Нового Богослова, Никиты Стефата, Филофея Синаита

и других. Из всех представителей исихазма Григорий Синаит оказал наибольшее влияние на религиозно-психологические учения Древней Руси, в том числе и на учение Нила Сорского. С именем Григория Паламы, византийского богослова и церковного деятеля XIV в., был связан период теоретического, философского выражения и обоснования исихазма [2]. В своих богословских трудах Григорий Палама обращал внимание на роль внешних чувств в формировании личности. Он утверждал, что чувственные образы происходят от тела и что они являются зеркальным отражением внешних предметов. В сочинениях Григория Синаита и Григория Паламы развивалась сложная система восхождения духа к божеству, учение о самонаблюдении, цель которых- нравственное самосовершенствование, у Иоанна Синайского раскрывалась целая лестница добродетелей [3].

В богословской литературе встречались сложные психологические наблюдения, посвященные разбору таких явлений, как восприятие, внимание, разум, чувство и т.д., обсуждались вопросы свободы воли и давался тонкий самоанализ. Д.С. Лихачев обратил внимание, что "эти богословские трактаты не рассматривают человеческую психологию как целое, не знают понятия характера. В них говорится об отдельных психологических состояниях, чувствах и страстях, но не об их носителях"[4].

На основании сочинений таких "отцов церкви", как Иоанн Лествичник и Филофей Синайский, Нил Сорский создает психологическую теорию развития страсти, он различает пять периодов её развития: прилог, сочетание, сложение, пленение и собственно страсть. Этой теории заволжский старец посвящает первую главу

своего богословского трактата. Определение периодов развития страсти он полностью заимствует у Иоанна Синайского.

Это убедительно доказывает сравнительное сопоставление их сочинений:

Нил Сорский	Иоанн Лествичник
"Прилог...инии помысел прост, или образ прилучшаюся , новоявление в сердце вносим, и уму объявляющеся "5.	"Прилог есть простое слово (мысль), или образ какого-либо предмета, вновь являющийся уму и просимый в сердце"6.
"Съчатание... еже глаголати к явльшемуся по страсти или бестрастие... сже не всяко безгрешно..."(18).	"Сочетание есть собеседование с явившимся образом со страстью или безстрастно...Это не совсем безгрешно" 6.
"Сложение-преклонение съесластнодуши к явльшемуся помыслу или образу бываемо"(19).	"Сосложение-есть склонение души к виданному, соединенное с услаждением"6 .
"Пленение-или нужное и невольное сердца отведениа или пребывательное въсъкупление к прилучшемуся и изящного нашего устроенна губительное"(18).	"Пленение есть насильное и невольное увлечение сердца увиденным или совершенное с ним слитие, разоряющее наше доброе устроение" 6.
"Страсть же,... иже временем дльгым в души гнездяся, и якоже в нрав прочие ту, еже к неи	"Страстию-называют такое похотливое расположение, которое, вгнездившись в

Нил Сорский	Иоанн Лествичник
обычаем привед, и самоизволие прочее в нем и самоусвоенне приходящу, обуревающи присно страстными помыслы"(18).	душу, соделывается потом чрез долгий навык, как бы природным её свойством, так что душа уже произвольно и сама собою стремится к удовлетворению его"[7].

Важно отметить, что Нил Сорский следует за эмоциональным изложением Иоанном Лествичником постепенного зарождения страсти из "помысла", а не за сухими , логичными умозаключениями Филофея Синайского, далекими от описания душевных движений человека. Филофей Синайский определяет "прилог" как "прираженние, действие, когда брошенная вещь ударяется в то, на что брошена", а "сочетание-содвоение, внимание сковано предметом так, что только и есть что душа да предмет приразившийся к её занявший"[8]. Эти схоластические рассуждения, лишенные эмоций, оказались чужды Нилу Сорскому -он их незаимствует, хотя по своей идее они близки к теории Иоанна Синайского.

Для заволжского старца был важен не идейный смысл этой психологической теории, а - попытка раскрыть таинства внутреннего мира человека; мир его души, чувств, проследить за различными нюансами "сердечных" движений личности. Поэтому Нил Сорский не останавливается на определениях периодов развития страсти по Иоанну Синайскому, а даёт подробную характеристику каждого из них, не заимствованную, а основанную на конкретном материале, на жизненных наблюдениях. Например, о "страсти"

заволжский старец писал, что она чаще возникает, "егда кого любо вещь страстну начясте представляет враг человеку, и паче иннех вжизает его на любовь ея, и аще хощет, аще не хощет, побеждается от нея мыслене" (I9). В этом рассуждении еще сказывается влияние богословских трудов исихастов, но ниже Нил Сорский даёт объяснение, основанное на анализе человеческой психологии: "Наипаче же её бывает, аще будет преже от небрежения о мнозе съчетался и събеседовал, сиречь мыслил произволением, о той вещи неподобне" (I9). В главе посвященной периодам развития страсти, описание психологических состояний немного схематично и абстрактно, но особое отношение к душевному миру человека проявляется в эмоциональной приподнятости речи, которая вдруг вторгается в спокойное течение богословских рассуждений древнерусского писателя: "...Се же есть нужное и невольное сердца отведение, егда пленен будет ум помыслы, сииречь нуждено отведется на лукавыя мысли...Егда же яко бурею и волнами носим и от устроения благо изводим и лукавым мыслям, не могли в тихое и мирное устроение прийти" (I7). Особый эмоциональный тон создается и ритмико-синтаксическими повторами однородных членов предложения, союзов: "...и аще убо кто в предспеянии и прият помощь от бога..., аще ли же новоначален сый и немощен..., аще вмале съгласит лукавому помыслу..." (I9;I7). Наивысшей эмоциональности повествование достигает к концу главы, завершающейся выразительной метафорой: "В всех бо сих аще не хранится кто, сей съвершает и любодействует помыслы в сердци..., сам пещь страсте запаляет, яко зверя вводя

лукавна помыслы" (20). И все же в этой психологической теории Нил Сорский больше проявляет себя как философ-богослов, нежели писатель: он чаще теоретизирует на тему о развитии чувств, а не описывает их.

Но этой теории заволжский старец не уделяет много внимания. От довольно абстрактных рассуждений о "прилоге" и развитии "страсти" он переходит в пятой главе своего трактата к конкретному описанию порочных "помыслов", которые он разделяет на восемь категорий: "1.чревообъястный, 2.блудный, 3.сребролюбивый, 4.гневный, 5.печальный, 6.уныния, 7.тщеславный, 8.гордостный" (38). Учение Нила Сорского о "дурных помыслах" представляет собой цельную стройно составленную систему, но не новую: такой "набор" порочных страстей можно встретить в любом произведении "учительной" литературы и русской, и византийской. Но автор "Предания" останавливается на психологическом анализе этих "помыслов". Он погружается во внутренний мир человека, исследует природу каждого из восьми чувств. Нил Сорский разлагает душевные движения на их первичные состояния и отсюда начинает анализ нравственной психологии человека. Каждый помысел, страсть рассматриваются им во всех видах и оттенках чувств, исследуются психологические особенности каждого порока, но в то же время не остаются без внимания и физиологические основы страсти. Нилу Сорскому как мыслителю было свойственно невольное желание заглянуть в "сокровенную суть" явлений, которая скрыта под их внешней оболочкой. "Възведи око телесне или душевне,- призывал

он в своих "II главах,"- противу времени и меры силы своеа" (45).

Древнерусский писатель приходил к интересным выводам о противоположности внешней и внутренней сути явлений: "аще бо и по внешнему мнятся жестока, внутрь же исполнь пользы", "мнящася бо его благая- по-видимому суть блага, внутрь же исполнена много зла"[9]. Может быть, поэтому столь внимателен и верен взгляд Нила Сорского-писателя, когда он анализирует внутренний мир человека: "Целомудрие же и чистота не внешнее точию житие, но потаеныи сердца человек" (43).

"Психологическое" направление творчества Нила Сорского было обусловлено не только влиянием византийской богословской литературы, но и русской "учительной" литературы XI-XIУ веков на темы общественной и личной морали христианина. Интересны высказывания В.П. Адриановой-Перетц о литературе этого периода: "...древнерусские "слова" и "поучения" о том, "како жити всякому человеку" или "каждому христианину", дают богатый материал для суждения об уменье русских авторов вникать в психологические побуждения и переживания человека"[10]. Творчество Нила Сорского с "учительной" литературой Киевской Руси объединяет не только общая тема-обличение пороков, но и "правдивость психологических наблюдений" над ними. В "поучениях" той литературы были уже сформированы некоторые теоретические представления о психологии человека, хотя и опиравшиеся на авторитет византийской литературы[11]. Русские авторы приходили к мысли, что "нрав" человека не является данным

ему по "естеству", а слагается постепенно "обычаем", то есть привычкой к определенным побуждениям и поступкам: "Да не хулим естества нашего, житье бо се добро и зло обычаем бывает "[12]. Вспомним теорию Нила Сорского о зарождении страсти из одного "помысла", впечатления и превращении её в губительный порок, "гнездящейся" в душе человека.

Авторы "поучений" и заволжский старец обязательным для христианина "делам": воздержанию, посту, милостыне, предпочитают любовь, смирение, "покорение и братолюбие"[11]. Нил Сорский писал в "Предании" о "душевной" милостыне, которая "вышим есть телесная", и утверждал, что "лучшее да бывает, еже есть... полезно душам" (6). Дела и для Нила, и для авторов "поучительных слов" только тогда ценны, когда "нрав" и "помыслы" соответствуют им. "Учительная "литература требовала, чтобы человек "познал" себя, внимательно "испытал" свои побуждения[11]. Нил Сорский так же придавал "самопознанию" большое значение: оно направляло человека на путь самосовершенствования: "того ради на всяко время подобает нам испытывати себе опасно чювствене и мыслене" (55). Целью "учительной" литературы было направить человека на путь истинный и убедить его в порочности не только некоторых поступков, но и душевных побуждений, которыми они вызваны. Древнерусские писатели именно в изображении порочных "страстей" стремились проникнуть во внутренний мир человека, в причины, порождающие порочное его поведение, в следствие этого порока для человека.

Остановимся на поучениях, которые анализируют различные "отрицательные" душевные состояния человека. В "Слове о гневе" дано описание поведения человека, "предающего возбешению гневному", в приступе гнева он "не чюет, что творит, аще и злая словиа износит"[12]. Другое "слово" показывает, как угнетающе действует гнев на душевное состояние: "дух бо гневный в нашем сердце седяет, очи разумеи темными мятежи ослепляет. Да уже ни разсуждения полезных стяжати можем, ни духовного разума обрести, ни совета блага удержати"[13]. Нил Сорский выразительно и с тонким знанием человеческой психологии описывает, как "гневныи дух томит злопомнениа понуждаа держати и поощряа в ярости зло воздати оскорбившему"(48).

Автор "слов о гневе" подмечает характерные черты этого отрицательного чувства, а Нил Сорский показывает взаимосвязь, взаимообусловленность эмоций во внутреннем мире человека, в данном случае он гнев связывает со злопамятностью и яростью.

Правдивое психологическое наблюдение можно найти у заволжского старца при описании "помысла" тщеславия : "Аще ли же кто когда хвалити нас начнет,... достойны сътворяа нас чести величества и престол высоты, яко паче инех суща, абие множество... съгрешенни наших...въспомянем, или едино кое злеище, и удержав в уме рци: аще достоин суть таковая делающи похвал сих?" (56). Средство, предлагаемое Нилом Сорским для победы над тщеславием, психологически мотивировано, говорит о глубоком понимании им внутренней эмоциональной жизни человека.

Феодосий Печерский также раскрывает характер тщеславия, описывая поведение воинов: "Они за тщую славу и изгыбьющую не помнят ни жены, ни детей, ни имений, да что мню имение, еже есть чуже всего, - но и главы своея ни во что же помнят да бы чем непосрамлено быти" [14]. Если Нил Сорский, описывая отрицательные эмоции человека, абстрагируется от их носителя, то Феодосий Печерский делает наблюдения над психологией отдельной общественной группы -воинов.

Осуждая "сребролюбие", "учительная" литература дает характеристику этой страсти в её конкретном проявлении в "нраве" и поведении человека. Душа "сребролюбца" в изображении автора "Слова", "яко не лепо есть нынешними пещися но паче вечными", "тлеет зрящи блистания златного", "яко бо море не наполнится, многи реки приемля, тако и ум человечь несыт есть, много имения собирая"[15].Бесполезность и суетность "стежания" выразительно изобразил и Нил Сорский:"Аще бо и весь мир приобрящем, но в гроб вселимся, ничтоже от мира сего вземше, ни красоты, ни славы, ни чести, ни иного коего наслаждениа житейского" (65). Здесь особая эмоциональная приподнятость речи автора создается ритмическими повторами однородных членов предложения и союзов, путем лексического и фонетического отбора слов (слова с шипящими звуками: приобрящем, ничтоже, вземше, наслаждения, житейского).Образно и экспрессивно изобразил "несытость имения" Серапион Владимирский : "Аки зверье жадают насытитися плоти, тако и мы жадаем и не перестанем, абы всех погубити, а горькое то имение и кровавое к

собе погребити. Зверье едше насыщаются, мы же насытитися не можем, того добывше другаго желаем" [16].

Мы можем вполне оценить, как достаточно глубоко умели анализировать "помыслы" человека авторы "поучений", и , безусловно, эта сторона их творчества не могла не повлиять на психологическое направление сочинений Нила Сорского. Но и литературная, стилевая манера заволжского старца восходит в какой-то мере к традициям "учительского красноречия" Киевской Руси. Авторы поучений стремились сделать свои наставления, предостережения и обличения наиболее убедительными для читателя, используя при этом доступные и несложные художественные приемы. Сравнения,метафоры и другие поэтические тропы обычно основывались на жизненных наблюдениях.Авторы слов часто прибегают к примерам из быта, из жизни природы и т.п., придавая особую наглядность своим психологическим наблюдениям.

Нил Сорский во многом следует этой "старой" стилевой традиции. У него не встретишь характерные для ХУ века экзотические образы "страстей" человека: аспида, ехидны, скорпиона, льва и т.п. Его литературная манера лаконична, строга, он использует наиболее простые и несложные поэтические приемы. У Нила Сорского встречаются интересные сравнения, основанные на жизненных наблюдениях: "Аже бо человеком не безвестно колико мылу, колико ослу, колико велбуду възможно бремя понести, и мощное комуждо налагают, тако же и скуделнику ведома, колико время огню съсуды предати, да ниже множае пребывше разсядутся, ниже пакы преже довольнаго ужжения иземшеся непотребны будуть.

Дааще толик разум в человецех, не много ли множае..." (54). Нил Сорский стремился к убедительной наглядности своих психологических наблюдений.

Предшественник заволжского старца Серапион Владимирский, осуждая "несытость имения" как "греховную страсть", меткими сравнениями с природой изображает противоестественность её: "Возмущаются бо ея воды и паки уставляются, возвеют ветры и паки утишают, возгорится огнь и паки угаснет", а "скупой сребролюбец" "никогда же не почиет собирая..."[17]. Нил Сорский, анализируя "помысл гордостныи", уподобляет его влияние на душевное состояние человека разрушительным силам природы: "Но аще оставлены будем от бога, тогда яко же лист колеблем или прах ветром възметаем, тако смятени будем диаволом и в поругание будем врагу, и плачь человеком" (57).

"Гордение" по своему вредному воздействию на душу человека, в "учительной" литературе подобно "хворастию", которое губит "сад", не дает ему "расти"[18], а Нил Сорский олицетворяет возрождающуюся жизнь природы (сада) с душевным состоянием раскаявшегося человека: не "иесушаются цветы добродетелеи, иже внове процветающая... и окружающая с мяккостию и младостию сад душа, всажденному при исходящих вод покаяниа"(80). Можно привести много подобных примеров художественных сравнений из произведений Нила Сорского и "учительной" литературы, которые придавали особую убедительность и выразительность "психологическим" эпизодам их сочинений. Но особенной чертой "психологизма" заволжского старца был лиризм,

общий задушевный эмоциональный тон, который придавал неповторимую выразительную окраску всем его общим психологическим наблюдениям, который особенно глубоко воздействовал на читателя.

По сильному эмоциональному воздействию на читателя, произведения Нила Сорского можно сравнить с сочинением светского писателя XII-XIII веков, создателя "Моления Даниила Заточника", который также проявил особое внимание к "внутренней" жизни человека.

Автор "Моления" не только в своеобразной афористичной форме обобщает свои жизненно правдивые наблюдения, но и пытается проникнуть в психологию образов "мудрых" и "безумных" людей, "злых" жен , лицемерных друзей и т.д.; показать её индивидуальность и своеобразие.

Уже в обращении к своему "господину"- князю он советует: "Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моя...и бых паря мыслию своею, аки орел по воздуху"[19]. Аналогичное рассуждение можно встретить и у Нила Сорского: " внутреннии человек внешнему съобразуется, не съхранному бо вне не веруи внутрь быти благоустроенну", "нас же не оставляет парение смысла нашего..." (58,63).

Не смотря на то что "Молению" наиболее свойственен социально-обличительный пафос, а литературной манере Нила Сорского созерцательно-лирический тон, можно найти общие для обоих психологические наблюдения в морально-этической области, причем по своей глубине проникновения во внутренний мир

человека они не уступают друг другу. Приведенные выше психологические наблюдения обоих писателей о взаимосвязи "внутреннего" и "внешнего" в человеке подтверждают это и служат отправной точкой их "психологизма".

Автор "Моления" представляет облик лицемерных друзей, раскрывая их "помыслы": "Мнози дружатся со мною, простирающе руки своа в салило, наслаждающе гортань свои темным дарованием, а при напасти паче врази обретаются и паки помогающе подразити ноги моя. Очима восплачются о мне, а сердцем возсмеют ми ся... Аще ли что имею, поживут со мною; аще не имею, то скоро отлучатся от мене "[20]. Этот своеобразный "психологический портрет" написан на основе конкретных верных жизненных наблюдений.

Нил Сорский, размышляя о смерти, вспоминает о своих друзьях, о тщетности их усилий в стяжании "мирских" благ: "И сиа вся на память приводяще размышляем: где суть друзи и знаемии наши? И что от сего приобретоша аще кои от них честни и славнии и властели в мире сем быша, или богатство или питание велие телесно имеша? Не вся ли сиа вотще и смрад и прах быша?" (64).

Лирико-философские рассуждения придают особую значительность и глубину психологическому анализу Нила Сорского. Усиливают эмоциональное воздействие на читателя риторические вопросы.

В краткой и остроумной форме автор "Моления" характеризует "нрав" "мудрых" и "безумных" людей: "Очи мудрого во

главе, а безумного аки во тме ходят... Мужа мудра на путь послав, мало ему накажи, а безумного послав,сам не обленися поити... Не сеи жита на браздах, ни мудрости в сердцах безумных ...кто видал небо полотняно и звезды лутовяные, а безумных мудрости глаголющи?" 21.

Язык сочинителя афористичен, ярок, насыщен конкретными сравнениями, взятыми из окружающего быта.Художественная выразительность речи делает психологические наблюдения более убедительными.Нил Сорский , противопостовляя образованных людей необразованными, выразительно характеризует душевную немощь "необученного"человека:"Коликащи убо бывает человек непотребен и неоскудне от необучениа своего боден и повержен, и в всяко время в безсилии сыи есть" (34). Для заволжского старца характерна художественно отвлеченная образность языка, которая передает особое "созерцательное", углубленное направление его "психологизма". Наиболее ярко это проявляется в описании человека в состоянии "уныния": "Егда волны оны жестокиа въстанут на душу, не мнит человек в тои час избавление от сих приати когда, яко днесь тако зло, а потом в прочая дни горше будет" (5I). Очень тонко и выразительно переданы душевные переживания человека и не в застывшем виде, а в движении, развитии. Подобного не было в традиции "учительной" литературы.

Образ человека в "печале" автора "Моления Даниила Заточника" более жизненен, приземлен, и язык писателя в соответствии с этим конкретный, очень живой,с точно подмеченными сравнениями из быта, жизни природы:"Иже бо в печали кто

призрит, то ахи водою студеною напоит в день зноя... Ржа есть железо, а печаль ум человеку. Яко олово многоразливаемо гинет , тако и человек от мночи беды худеет... Всяк человек хитрит и мудрит о чюжей беде, а о своем и смыслити не может"[21].

Образ человека в"печале" получает развитие у писателей: у Нила Сорского он сливается с обликом терпеливой и нравственно-стойкой в "скорби" личности:"И аще скорбь человеческа от человека будет, благодушно претерпевати подобает," так как "аще и в настоящее время не яснится нам полезно, но послежде известится, яко тако полезно есть", "да искусившиеся в сих и претерпевше венчани будем..., понеже без искушении никто же венчан бысть когда" (50). Если"искушение" в скорби у Нила Сорского сулит"венчание", то есть познание высшей мудрости, то у автора "Моления" в испытании "напастями" человек приобретает "житейскую" мудрость, опыт:"Зла бегаючи, добра не постигнути... Злато бо искушается огнем, а человек напыстми;пшеница бо многа мучима хлеб чист является, а человек, беды подъемля, смыслен и умен обретается. Аще кто не бывал во многих бедах, яко от беса востарь, несть в нем вежества, никто же может стрелою звезды выстрелити, ни в напасти смыслити"[22]. Автор "Моления" переносит обсуждение "нрава" человека в конкретный, "житейский" план, а Нил Сорский -в отвлеченный, общефилософский.

Особенные черты таланта древнерусских писателей, их

художественное мировосприятие, различные стилистические манеры отразились на изображении "внутреннего" мира человека. Нил Сорский передавал "оттенки" душевных состояний человека скупыми художественными средствами, и достигал определенной глубины и мастерства в передаче психологических переживаний. Взволнованный, лирический тон повествования писателя трогал читателя, которому он открывал таинства человеческой души.

Автор "Моления" в афористической форме обобщал свои жизненно-правдивые психологические наблюдения. Он через внешнее поведение человека характеризовал его внутренний мир, его "нрав": яркие , взятые из жизни сравнения, в изобилии насыщающие изложение, оживляли стиль писателя, придавали ему красочность и емкость, притягивали внимание читателя. Он так же, как и Нил Сорский, широко пользовался стилистическими приемами эмоционального воздействия на читателя: риторическим вопросом, восклицанием, вносящими в изложение субъективное начало. Настойчиво повторяющиеся сравнения и сближения человеческих эмоций с явлениями природы усиливали "психологизм" чувств, характеризованных сочинителем.

В произведениях обоих древнерусских писателей можно найти общие традиционные литературные мотивы в изображении различных человеческих "страстей". Но приближение к "психологизму" их изображения у них происходило различно: у автора "Моления Даниила Заточника"-через внешние признаки поведения

людей, характеристику их поступков, бытовые детали, у Нила Сорского- через обращение к внутреннему миру души человека, тонкий анализ психологических состояний, "помыслов". Заволжский старец следовал в этом традиции литературы предшествующего века.

С конца XIV века в центре внимания писателей оказались отдельные психологические состояния человека, его чувства, эмоциональные отклики на события внешнего мира[23]. Наиболее ярко это проявилось в церковной литературе, в жанре жития святых, а творчество Епифания Премудрого явилось наиболее характерным для того времени.

Все психологические состояния, которыми так щедро наделяет человека Епифаний Премудрый - внешние наслоения на основной, несложной внутренней сущности человека: доброй или злой, определяемой решением самого человека встать на путь праведника или грешника. Эти психологические состояния Д.С.Лихачёв уподобляет "одежде, которая может быть сброшена или принята на себя" [23].

Примером может служить описание в "Житии Стефана" психологических состояний жителей Перми до и после крещения. До крещения злые и нетерпимые язычники яростно нападают на Стефана, гонят его, питают к нему ненависть, как только они крестятся, сердца их наполняются веселием, они становятся кроткими и послушными [24]. Зло и добро абсолютизированы. Автор описывает поступки и психологические состояния жителей Перми либо только как отрицательные, либо как положительные. Отсюда пристрастие автора к различным преувеличениям, к экспресси-

ным эпитетам. Пермь нападает на Стефана "с яростью,и с гневом, и с воплем, яко убити и погубити хотяще, ополчищася на нь единодушно,...и прямолучными стрелами своими состреляти его жадяху, и тако прочее смерти его предати хотяху" [25]. Нет полутонов, нет соотношения переживаний, эмоции прямолинейны и абсолютизированы.Чувства как бы живут вне людей, но зато проникают во все их действия (поступки толпы язычников повышенно эмоциональны), смешиваются с чувствами автора. Епифаний Премудрый пишет в повышенно-экспрессивном тоне , достигает вершин патетики в повествовании. Епифаний пишет, обращаясь к Стефану:"Тем же хвалити тя груду, но не умею, елика бо изрицаю, и та суть словеса скудна, худа бо, но истине худа и грубости полна; но обаче приима сиа, отче честнейший, яко отец немованиа от уст детищу немующу"[26].Экспрессивно-эмоциональный стиль произведений Епифания Премудрого связан с созданием впечатления особой значительности "подвигов" святого, с преклонением перед его христианскими добродетелями. Д.С.Лихачев отмечает, что в житии Стефана Пермского факты могли бы уместиться на одной пятидесятой произведения, все остальное посвящено взволнованным размышлениям о жизни святого [27].

Нагромождение синонимов, эпитетов, метафор,многословность, ритмическая организация речи создают впечатление сплошного потока эмоций, бесконечности чувств.Стиль"плетения словес", внешне эффектно выражая чувства, поверхностно передавал психологические переживания человека.

Литературную манеру Нила Сорского тоже отличает эмоциональность, но сдержанная, близкая к лиризму, умиротворенная, самоуглубленная, отвергающая всякую аффектации. Психологические состояния человека передаются писателем достаточно скупыми художественными средствами, при этом он достигает большой достоверности и глубины. Он тоже порой не может удержаться от выражения нахлынувших на него чувств, но при этом его психологический самоанализ очень тонок и верен.

Нил Сорский в послании к князю-иноку Кассиану Мавнукскому, поражаясь чудесною его судьбою, пишет: "Многащи егда сиа начинах писати, остаяху ми персты на хартии и не стерпевах бо сердечныя капля многогрешную мою десницу простерта, поминая к тебе божие милосердие и милость" [28]. Описание своих душевных переживаний древнерусский писатель делает очень зримым, конкретным, внутреннее состояние передается через внешний характерный жест. У Нила Сорского "внутренний человек внешнему съобразуется" (58).

У Епифания Премудрого внешняя эффектность в выражении чувств не вела к их точной передаче. Если автор употреблял сравнение, он не заботился, чтобы оно могло быть конкретно-зрительно воспринято. Для него важен внутренний смысл действий, событий, он стремится к психологической характеристике фактов. Весть о смерти Стефана автор характеризует как "страшную", "пристраннуюю", "пламеннуюю", "горькую" и т.п. [illegible]. Если конкретное дело- постройка церкви- у него превращается в [illegible]

гический акт: "...юже въздвиже чистого совестию, юже създа горящим желанием" [30]. Агиограф пристальное внимание уделяет действию, которое обычно сильно преувеличено. Все внешние детали опускаются и сохраняются лишь те, которые способствуют психологическому эффекту действия.

У Нила Сорского в его сочинениях почти нет передачи внешнего действия, описания событий. Также случаи единичны. В послании к Кассиану Мавнукскому содержится краткая характеристика судьбы князя-инока, которая "изведе" его "от земли Египетския и приведе в землю Израелеву" и "сподоби" его ангельскому образу в "убогой келейце" Сорской пустыни [28]. Но главное для Нила Сорского-описание тех бед и несчастий, которые выпали на долю Кассиана. Эмоционально-взволнованно передает он свое сочувствие к тяжелой судьбе князя-инока:" По сих же, брате, сливаюся душею, смущаюся совестию, растерзаюся утробою, воспоминая еже от юности-твоя скорби, и беды, и пленения, и заведение от своея земли и рода и отечества" [28]. Ритмические повторы однородных членов предложения, союзов, лексический отбор помогают создать Нилу Сорскому драматически напряженную картину бедствий князя-инока: "и в землю чужую, незнаему и язык несведом и род непозноваем вселяема... И яко избави тя господь, по сих от многих и различных смертей, от огня, и от меча, и от воды, и сам сих наипаче не невесы" [31]. Нил Сорский дает психологическую характеристику фактов, выявляет их "внутреннюю" суть. Он описывает события, которые действительно произош-

ли с Кассианом и те, которые он счастливо избег , с единственной целью- показать как эти несчастия и бедствия готовят человека к вечной жизни. Отсюда и эмоциональная приподнятость речи.

У Епифания Премудрого экспрессивность действия подчеркивается длинными монологами персонажей, которые передают их душевное состояние в связи с изображаемыми событиями. Например, объяснение пермского волхва своего нежелания войти в огонь вместе со Стефаном: "...неможно ми ити, не дерзаю прикоснутися огню, щажуся и блюду приближитися множеству пламени горящу, и еко сено сый сухое, не смею воврещися, да не яко воск тает от лица огню, растаю, да не ополею яко воск и трава сухаа, и внезаапу сгорю огнём и умру, и к тому не буду, как будет полза в крови моей, егда сниду во истление..."[32]. Произносит эту речь волхв "пометая себе, биаше челом, и припадаа к ногаша" Стефана, "оба всяше вину суму свою и немощь свою излогаа, суетство же и прелесть свою обличаа"[32]. Благодаря речам персонажей, достигается большая экспрессивность действия. Но изображение душевного состояния действующего лица абстрактно, оно передает авторские чувства, а не персонажа.

В пятой главе богословского трактата Нила Сорского можно найти своеобразный монолог грешника: "Где аз вем опасно человеческиа грехи, каковы и колици суть, яко преходят ли или сравнаются моии беззаконием ? И невежества ради, о душе, под всеми человекы есмы, яко земля и попел под ногами их. Како

же не имети себе сквернешия всем тварям в еже по естеству сущим, якоже быша мне же ради безмерных беззаконии вь еже чрез естества?" (58). Покаянное чувство передано очень точно и взволнованно, в этом помогают повторы риторических вопросов и подбор слов с уничижительным значением.

Патетический стиль Епифания Премудрого показывал внешние проявления чувств и еще не был приспособлен к раскрытию внутреннего мира человека. Лирический, эмоциональный, сдержанный строгий стиль Нила Сорского помогал достичь большей достоверности в передаче чувств скупыми художественными средствами. Нил Сорский не только описывал душевные состояния человека, а дифференцировал чувства, показывал их во взаимосвязи во внутреннем мире человека: "уныние... лют дух и тягчаише есть, сопряжен сущь...духу скорбному";"тщеславный помысел" утверждает"презорство", которое рождает "гордыню"(5I, 55). Переходил от дифференциации чувств к их обобщению: "О презорстве и гордыни что и глаголати? Аще убо и разньствуют имены, но на един разум сходятся и величание и высокосердие, и ...ничение , и прочаа" (5I). Оттенки эмоций переданы выразительным рядом синонимов. Интерес Нила Сорского к внутреннему миру человека приводит к выявлению противоречивости чувств:"Сиа убо скорбь с радостию разлишена бывает и к всякому благу усердна сътворяет человека..." (50).

Древнерусский писатель анализирует и описывает чувства не в застывшем виде, а в развитии, в"процессе" .Движение,

действие переносится Нилом Сорским внутрь человека и связано с изменением душевных состояний."Егда...действо духовное... явится, теплоту влагающе съгревающую сердце и утешающу душу и к любви... человечестеи непреченные распаляющи и ум веселящи, и сладость от внутренних и радование подающи, -так передает Нил Сорский изменение душевного состояния человека во время "сердечной молитвы",-тогда слезы самоисходне проливаются и ненуждне от себе истачаются, утешающи болезненую душу, подобно младенцу в себе плачющу, купно и светло скабящуся..." (77) Автор тонко и выразительно передает смену одних психологических переживаний другими, чувства даны в движении, изменении. Эмоциональнолирический тон изложения создается ритмическим строением фразы, поэтическими сравнениями, семантическим отбором глаголов и причастий, точно передающих движение и нарастание чувств. Эмоциональная приподнятость речи точно выражает высшее духовное состояние человека: счастья, внутреннего экстаза.

Нил Сорский в "покаянной" молитве с большим мастерством передаёт психологию кающегося грешника [33]. В молитве постоянно происходит смена чувств: хвала богу и благовейное признание его величия быстро переходит в тяжелую скорбь человека о своих бесчисленных прегрешениях : " всех горше съгрешивших, из окаанный, злобесный пес, нечистый и всескверный...и сиа вся егда прииму в ум, от премного ужаса, в мале в отчаяние прихожу и недоумеюся, что сътворити и глаголати..." [34]. Скорбь переходит в плач о ничтожестве человека и глубине его падения

"Кто дает главе моеи воду и очима моима источи слез, дабы каяся плакая, и некли омыл бых скверну съгрешении моих..."[35]. Этот плач, граничащий с отчаянием, разрешается надеждою на бесконечное милосердие, бога, прощающего грехи раскаявшимся. Изображение сильного покаянного чувства требовало не просто эмоциональности, но и экспрессии. Молитва должна быть убедительной, должна дойти до бога, поэтому она максимальна для стиля Нила Сорского насыщена художественными средствами выражения эмоций -эпитетами: бог-"великий, страшныи, крепкии, всемогущии, безначальныи, безконечныи, неведомыи, недомыслимыи" и т.п.; сравнениями: грешник-"злобесныи пес, нечистыи и всескверныи" ; метафорами: "и конец смертныи приближися, секира при корени лежит, и посечение неплодныя душа моея готова се, жатва настоит, и серы изострен, и жатели тщатся, плевел греховных исполнену душу мою всхытити , и съжжению вечному предати, и аз от сих всех в чювство прийти не могу"[36]. Ритмико-синтаксические средства-риторические вопросы, восклицания, отбор слов с экспрессивным значением создают повышенный , почти патетический тон "покаянной" молитве.Ритмические повторы одних и тех же слов и словосочетаний передают впечатление нервной напряженности, тяжелых внутренних переживаний:"вхожах в светлую церковь, и в олтарь недостоин, и причащяхся святых тайн... недостоин, и ныне дерзаю недостоин, и даже до дне смерти моея, всегда недостоин...";"что роптание, в пустыни роптавших, к моему всегдашнему роптанию, ничтоже ниневитян вопль злобы, к моим злобам,... безумное...хуле -

ние к моим хулам, или нанашина съгрешениа к моим согрешением"[37].

Нил Сорский приближается к изображению "тайного тайных" в человеческой душе: он описывает, какие чувства испытывает человек при"извещении" о смерти. "Яко лета уже к старости приближася, и смертная чаша былием растворена уготовляется; пити же ся с извещением сладко, без извещения горчайши полыня есть",- так поэтично Нил Сорский передаёт свои чувства в послании к некоему брату" (64). Древнерусский писатель тонко анализирует психологические переживания, которые испытывает человек при приближении смерти:"Извещение же без очищениа душевнаго не бывает, очищение же без слёз не бывает, слезы же в мятежи не бывают, понеже мятеж помрачает ум"(4-5). Прекрасно показана взаимообусловленность чувств, их "текучесть", переход одного душевного состояния в другое.

Глубокие философские размышления о тщетности"мирской суеты" сливаются с тонким психологическим повествованием Нила Сорского о приходе смерти к человеку:"Мы же и хотяще, и не хотяще, отходим житиа сего и ни веди сего, когда отходим, ни имамы власти,аще еще хощем пробыти зде; но внезаапу найдет в истинну страшное таинство смертное, и душа от тела нуждею разлучается" (64).

Просто, строго, сдержано и в то же время щемяще достоверно и убедительно описание "таинства смертного", распространенного литературного мотива, которому которому можно найти много параллелей и в древней и в новой русской литературе:" Три смерти", "Смерть Ивана Ильича",прозрение через смерть

эпизодах романа "Война и мир" Л.Н.Толстого, Нил Сорский, продолжая описание, заглядывает и"по ту сторону" бытия: "Се бо зрим во гробы и видим созданную нашу красоту безобразну и безславну не имущу видения; и убо зряще кости обнажены, речам в себе: кто есть царь или нищь, славныи или неславныи? Где красота и наслаждение мира сего? Не все ли есть злообразие и смрад ?" (65). Драматизм, внутренний пафос чувств сливаются с проникновенным лиризмом. Речь автора ритмизирована, "накал" эмоций усилен риторическими вопросами.

Завершает этот литературный "мотив" описание патетической картины страшного суда и ужасов адовых мук:"огнь вечныи, тму кромешную, пропасть глубокую, лютого червиа неусыпнаго, скрежет зубныи и прочая вся болезни" (68). Изображение адовых мук и телесных страданий человека усиливает психологическую напряженность душевного состояния не раскаявшихся грешников: "И трепещущих лют и восклицающих, и бездельно плачющих. Како же не въсплачем и не рыдаем, егда в ум приимем страшные и лютыа оны муки...?"(67). Эта яркая картина душевного ужаса и трепета грешников для нас психологически достоверна и убедительна, как состояние человека в крайних экстремальных условиях, а воссоздана она благодаря воображению, творческой фантазии писателя, ведь жизненных аналогий нет.

Нил Сорский в своих произведениях не только изображал психологические состояния человека, он пытался приблизиться

к тайнам движений человеческой души: писатель дифференцировал чувства, показал их в развитии, в процессе, во взаимосвязи и противоречивом единстве во внутреннем мире человека. Особенной чертой "психологизма" Нила Сорского является проникновенный лиризм, поэтичность повествования "и в тоже время общий созерцательно-спокойный сдержанно-эмоциональный тон, который придает взволнованно-душевную и достоверно-убедительную окраску всем его психологическим описаниям внутреннего мира человека. Анализ особенностей языка и стиля произведений Нила Сорского показывает, как конкретно воплощаются приёмы "психологического мастерства" в его творчестве.

"Психологическое" направление сочинений древнерусского писателя было тесно связано с традициями "учительной" литературы Древней Руси, особенно Киевской, он продолжил их, принимая близкие ему темы, литературные мотивы и отвергая чуждые "художественные" приемы : стиль "плетения словес" Епифания Премудрого. Заволжский старец следовал и за богословской исихастской литературой, из которой заимствовал "психологическую теорию".

Но метод тонкого анализа внутреннего мира человека был найден именно Нилом Сорским, он индивидуален, нет ему подобного ни в предшествующей древнерусской литературе, ни в восточной исихастской. Этот метод был прогрессивен для развития литературы: он открывал тайный мир души человека, сложность движений человеческих чувств. В произведениях древнерусского писателя отчетливо проявились "зачатки" психологизма, рас-

цвет которого произойдет в новой литературе XIX в., истоки созданной Толстым "диалектики души".

Нил Сорский касался в своих сочинениях вечных этических проблем: жизни и смерти, добра и зла, самопознания своей души, проблем , которые соединяют единой нитью древнюю и новую литературу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIУ в. СПб., 1899. Т.I, вып. I. С.24.
2. Прохоров Г.М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIУ в.// ТОДРЛ. Л., 1968. С.88.
3. Сырку П. Указ.соч. С.230-245, 101-203,
4. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XУП вв. Эпохи и стили. Л.,1970. С. 96.
5. Боровкова-Майкова М.С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912. С.16.(Далее в тексте с указанием стр.).
6. Добролюбие. СПб., 1892. Т.II. С.525.
7. Там же. С.526.
8. Добролюбие. СПб., 1889. Т.III. С.363.
9. Архангельский А.С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882.Ч.I.С.65, 88.
10. Адрианова-Перетц В.П. К вопросу об изображении "внутреннего человека" в русской литературе XI-XIУ веков. // Вопросы изучения русской литературы XI-XУ вв. М.; Л., 1958. С.15.
11. Там же. С.16.17.
12. Пономарёв А.И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1896. Вып.2. С.83
13. Там же.С.98.
14. Адрианова-Перетц В.П. Указ.соч. С.19.
15. Пономарёв А.И. Указ соч. СПб., 1897. Вып.3. С.70.
16. Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. Приложение. С.9.
17. Там же. С.22.
18. Пономарёв А.И. Указ.соч. СПб., 1897. Вып.3.С.76
19. Зарубин Н.Н. Слово Даниила Заточника по ред. XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С.24.
20. Там же. С.61.
21. Там же. С.65,67.
22. Там же. С.68.

23. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С.73.

24. Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым . СПб., 1897.

25. Там же. С.25.

26. Там же. С.102

27. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С.75.

28. Архангельский А.С. Указ.соч. С.77.

29. Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С.91.

30. Там же. С.18.

31. Архангельский А.С. Указ.соч. С.78.

32. Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С.53.

33. Никольский Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб.,1907,С.160-166.

34. Там же. С.161.

35. Там же. С.165.

36. Там же. С.160, 161,166.

37. Там же. С. 162-163,164.